

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

*Работа представлена кафедрой германской филологии РГПУ им. А. И. Герцена.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор И. П. Шишкина*

Статья посвящена основным идеям теории интертекстуальности. Особое внимание уделено исследованию интертекстуальности как элементу общей структуры художественного текста. В статье анализируется роль интертекстуальных включений в романе Альфреда Дёблина «Берлин. Александрплатц», устанавливаются формы включения текстовых фрагментов различной коммуникативной направленности в текст романа и определяются функции этих включений в его художественную структуру.

***Ключевые слова:** интертекстуальность, межтекстовость, интертекст, полифонизм, текст в тексте, претекст, метатекст, прототекст.*

K. Zastyola

INTERTEXTUALITY AS A COMPONENT OF LITERARY TEXT

The article is devoted to the general ideas of the intertextual theory. Special attention is paid to the research of intertextuality as an element of the general structure of literary text. The role of intertextual insertions in the novel "Berlin Alexanderplatz" by A. Döblin is analysed. The author defines the forms of including text fragments with various communicative orientations in the novel's text and the functions of these insertions in the general text structure.

Key words: *intertextuality, cross-textual connections, intertext, polyphonism, text in text, pretext, metatext, prototext.*

Проблема взаимодействия метатекстов с прототекстами существует давно. В рамках литературоведения она рассматривалась как проблема заимствований, литературных влияний, подражания и пародирования; в рамках стилистики и лингвистики текста – как проблема цитат, аллюзий, реминисценций, перифраз и ссылок. Термин «интertextуальность» возник во второй половине XX в. В этот период появляется большое количество работ, посвященных проблеме интertextа и интertextуальности. Активно теория интertextуальности начала разрабатываться с 80-х гг. XX в. В последнее время межтекстовое взаимодействие изучается с позиций языковедческих исследований, что обеспечило, по мнению В. Е. Чернявской, «большую масштабность и глобальность» анализу текстового влияния.

Принято считать, что теория интertextа вышла из четырех основных источников: теории анаграмм Ф. де Соссюра, исторической поэтики А. Н. Веселовского, учении о пародии Ю. Тынянова, полифонического литературоведения М. Бахтина [3, с. 31; 5, с. 32].

Несмотря на то что термин «интertextуальность» был разработан в рамках французского постструктурализма, генетически его появление связано с русской традицией. Именно работа М. М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», опубликованная в 1924 г., вдохновила известного французского лингвиста, критика, теоретика постструктурализма Юлию Кристеву на создание этого понятия в работе «Бахтин, слово, диа-

лог, роман», написанной в 1967 г. В рамках теории полифоничности Бахтин говорит о том, что не может быть изолированного высказывания, «ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [2, с. 340]. В своей работе под интertextуальностью Кристева понимает способность произведения к двойному прочтению, так как любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста [4, с. 99].

Ознакомление с различными подходами к проблеме межтекстового взаимодействия показало, что в настоящее время нет четкого понятийного аппарата для определения интertextуальности. В частности, это мнение находит свое отражение в отсутствии единой терминологии для обозначения межтекстового взаимодействия. Текст в тексте называется «интекстом» (П. Я. Тороп), «субтекстом» (Ю. М. Лотман), «интertextом», «прецедентным текстом». А наряду с термином «интertextуальность» употребляются термины «диалогичность», «транстекстуальность» (Ж. Женнет) и др. Называя сходные явления, эти термины не тождественны друг другу, поскольку отражают различные подходы к одной и той же проблеме. Авторы теорий вкладывают в рассматриваемое понятие не всегда одинаковый смысл, исходя из особых идейных и методологических предпосылок, которыми они руководствуются в своем понимании интertextуальности. Однако при всем многообразии терминов, используемых для обозначения

интертекстуальности и его трактовок, можно все же выделить некоторые инвариантные признаки: маркированность определенными языковыми сигналами, взаимодействие текстов внутри единого целого, их диалог.

Большинство лингвистов, говоря об интертекстуальности, придерживается определения, данного И. В. Арнольд, которая трактует ее как «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1, с. 71–72]. Основываясь на определении, данном И. В. Арнольд и возвращаясь к трудам М. М. Бахтина, посвященным интертекстуальности, отметим, что основным критерием интертекстуальных отношений является «чужое слово», «которое трактуется как высказывание другого субъекта, первоначально самостоятельное и лежащее вне данного контекста, причем степень его вхождения в новый контекст может быть различной: важным остается восприятие его именно как чужого слова» [3, с. 57]. В нашей работе при толковании интертекстуальности мы также будем основываться на понятии «чужого слова», однако это понятие будет иметь несколько иное значение. Под «чужим словом» мы понимаем не просто фрагмент иного текста в виде цитаты, аллюзии или реминисценции, а фрагмент текста иной функциональной направленности. Это могут быть фрагменты документов, исторические факты, фрагменты языка химии, элементы публицистики: названия газет и газетных статей, выдержки из них, элементы рекламы. Все эти иностранные включения предназначены для выполнения в художественном тексте различных функций: для создания своеобразия произведения, воссоздания точности описываемых событий.

Роман Альфреда Дёблина «Берлин. Александрплатц» представляет собой удачный пример ввода интертекстуальных вставок в структуру художественного текста. Дёблин был не высокого мнения о форме традиционного романа и требовал от литературы научности. По его мнению, автор должен использовать в своем романе точные и полные наблюдения реальной действительности. Поэтому он поме-

щал в поток повествования множество аутентичных текстов (газетные заметки, письма, объявления и т. п.).

Различные документальные вставки имеют языковую и композиционную структуру, соответствующую их назначению в сфере повседневной коммуникации. Включенные в повествовательный контекст, они контрастируют со стилем авторского повествования и обуславливают речевую полифонию текста. Все эти иностранные включения предназначены для выполнения в художественном тексте различных функций: воссоздания точности описываемых событий, характеристики героев произведения, создания образа топоса. В структуру текста повествования вставки из нехудожественной коммуникации вводятся автором по-разному.

Их выкрикивают уличные торговцы, старающиеся привлечь покупателей: *“Zwölf Uhr Mittagszeitung”*, *“B. Z.”*, *“Die neuste Illustrierte”*, *“Die Funkstunde neu”*. Эти иностранные включения вводятся в текст повествования без каких-либо вводных или пояснительных слов. Предложение дано как самостоятельная единица, не несущая на себе никакую нагрузку, но характеризующая атмосферу улицы. Торговцы в данном примере являются второстепенными героями романа, в развитии сюжета они не участвуют. Введя их в повествование однажды, автор больше никогда к ним не возвращается. Не упоминаются больше в тексте и названия данных газет. И торговцы, и их зазывные выкрики помогают лишь создать картину города, его атмосферу.

Названия газет, газетных статей либо выдержки из них «произносят» и другие герои романа. Силли, подруга героя, вышла на улицу и на площади встретила торговцев газетами. Она целенаправленно купила газету, чтобы убедиться в правдивости слов Франца. Несобственно-прямая речь героини переплетается со словами автора, который описывает ситуацию. *«Am Alex riefen die Zeitungshändler den „Montag Morgen“ aus, die „Welt am Montag“*. Sie kaufte sich von einem fremden Händler ein Blatt, sah selbst hin. Ob wo was passiert wäre, ob er recht gehabt hat heut nachmittag. Na ja, ein Eisenbah-

*nungluck in den Vereinigten Staaten, in Ohio, und Zusammenstoß vor Kommunisten mit Hakenkreuzlern, nee, da macht Franz nicht mit, großes Schadenfeuer in Wilmersdorf» (курсив наш. – К. З.). В данном примере вставками из нехудожественной коммуникации являются названия газет «Montag Morgen», «Welt am Montag». В первом случае иностранные элементы, а именно названия газет, вводятся в структуру текста с помощью слов автора, который описывает ситуацию. Во втором случае интексами являются заголовки газетных статей: *ein Eisenbahnungluck in den Vereinigten Staaten, in Ohio, und Zusammenstoß vor Kommunisten mit Hakenkreuzlern, ... großes Schadenfeuer in Wilmersdorf*. Они вводятся в текст с помощью несобственно-прямой речи одной из действующих лиц романа. Вставки из нехудожественной коммуникации не маркированы, они переплетаются с мыслями героя, с ее размышлениями. Благодаря немаркированности интексов художественный текст вместе с иностранными элементами воспринимается как целостный текст.*

Описывая берлинские улицы, автор упоминает также и Brunnenstraße, на которой находится Всеобщая электрическая компания (die AEG). Информацию об этой компании, о ее отделах, организациях, которые к ней относятся, можно найти в телефонной книге. «Vom Platz gehen ab die große Brunnenstraße, die führt nördlich, die AEG liegt an ihr auf der linken Seite vor dem Humboldthain. Die AEG ist ein ungeheures Unternehmen, welches nach Telefonbuch von 1928 umfaßt: *Elektrische Licht- und Kraftanlagen, Zentralverwaltung, NW 40, Friedrich-Karl-Ufer 2–4, Ortsverkehr, Fernverkehr Amt Norden 4488, Direktion, Pförtner, Bank Elektrischer Werte AG, Abteilung für Beleuchtungskörper, Abteilung Rußland, Abteilung Metallwerke Oberspree, Apparatefabriken Treptow, Fabriken Brunnenstraße, Fabriken Henningsdorf, Fabrik für Isolierstoffe, Fabrik Rheinstraße, Kabelwerk Oberspree, Transformatoren-Fabrik Wilhelmshofstraße, Rummelsburger Chaussee, Turbinenfabrik NW 87, Huttenstraße 12–16* (курсив наш. – К. З.). Выдержка из телефонной книги является иностранным элементом, который вводится в

текст немаркированно. Герой просто прогуливается по городу, описывает то, что он видит вокруг себя, и как бы между прочим упоминает о телефонной книге, в которой мы можем найти подробную информацию о данной организации. Читателю сложно определить, с помощью чьих слов вводится этот фрагмент в структуру текста. Повествователь настолько растворен в главном герое романа, что разграничить их порой практически невозможно.

С помощью иностранных включений (вывесок, плакатов) повествователь документирует организацию города: «Und dann ist es drei Uhr nachmittags, über die Straßen gehen Franz und Reinhold, *Emailleschilder jeder Art, Emaillewaren, deutsche und echte Perserteppiche, auf 12 Monatsraten, Läuferstoffe, Tisch- und Diwandecken, Steppdecken, Gardinen, Stores Leisner und Co, lesen Sie die Mode für Sie, wenn nicht, fordern Sie postwendend kostenlose Zustellung, Achtung, Lebensgefahr, Hochspannung*» (курсив наш. – К. З.). В приведенном примере интексами являются вывески с названиями магазинов: *Läuferstoffe, Tisch- und Diwandecken, Steppdecken, Gardinen, Stores Leisner und Co*; рекламные плакаты: *Emailleschilder jeder Art, Emaillewaren, deutsche und echte Perserteppiche, auf 12 Monatsraten*; объявления: *lesen Sie die Mode für Sie, wenn nicht, fordern Sie postwendend kostenlose Zustellung*; вывески: *Achtung, Lebensgefahr, Hochspannung*. Автор не выделяет их каким-либо образом в структуре художественного повествования. Они не маркированы. Автор повествует о главном герое романа и его друге, которые гуляют по городу и тут же, без каких-либо вводных или пояснительных слов вводятся интексы. Так же внезапно, как и смена стилей, сменяется и речь повествования: с речи автора на несобственно-прямую речь главного героя романа, который описывает все, что он видит на берлинских улицах. Рассмотренные иностранные вставки взаимодействуют с речью автора настолько тесно, что читателю очень трудно понять, от какого лица идет повествование, кто все-таки является участником событий, наблюдателем происходящего. Повествователь как бы «растворен» в тексте и создает более «объективную», не свя-

занную определенной точкой зрения, общую перспективу повествования.

Таким образом, вставки из нехудожественной коммуникации «произносят» главный герой романа, его друзья, уличные торговцы, случайные прохожие, которые озвучивают то, что они видят, проходя мимо магазинных витрин, кинотеатров, торговых лавок, рекламных

стендов или просто находясь дома и читая газету. Практически ни к одному из таких ино-стилевых включений, упомянув однажды, автор больше не возвращается. Они лишь создают картину города, помогают лучше понять атмосферу того времени, позволяют читателю окунуться в события реальной действительности, происходившие в то время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2005. 384 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.
3. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. 1995. № 1. С. 97–124.
5. Ямпольский М. Б. Память Тирессия: Интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК «Культура», 1993. 456 с.

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremenny angliyskiy yazyk. M.: Flinta: Nauka, 2005. 384 s.
2. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. 424 s.
3. Denisova G. V. V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod. M.: Azbukovnik, 2003. 298 s.
4. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. Filologiya. 1995. N 1. S. 97–124.
5. Yampol'sky M. B. Pamyat' Tiressiya: Intertekstual'nos' i kinematograf. M.: RIK «Kul'tura», 1993. 456 s.